

Катя и ягода-земляничка (Опочинин)

Издание И. Кнебель,

Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, Москва, 1913 г.

Жил-был старик со старухой. Было у них четверо детей: один сын и три дочери. Сына звали Васей, а дочерей Дуней, Машей и Катей.

Раз старик и говорит дочерям: «Ступайте-ка в лес за ягодами. Кто из вас целую корзину наберет, той куплю золотое яйцо».

Пошли сестры в лес. По дороге Дуня с Машей зашли в кустики в карты поиграть, а Катя одна за ягодами отправилась. Вот набрала она целую корзину и пошла за сестрами.

Увидели Дуня с Машей Катину корзину и зависть их взяла. Задумали они злое дело. Уманили сестру опять в лес, уложили отдыхать. Катя заснула, а сестры ее, спящую, убили и ягоды себе взяли.

Приходят они домой, а там спрашивают: «где Катя?» — «В лесу, — говорят, — осталась, корзину добирать».

Вот уж дело к вечеру, а Кати все нет. Ждали, ждали отец с матерью, в лес искать ходили — пропала Катя!

А в лесу на Катиной могилке выросла камышинка. Шли странники, срезали ее и сделали дудку. Стали они на этой дудке играть, а дудка поет человеческим голосом, выговаривает:

«Вы, прохожие, поиграйте,

Вы меня-то пожалейте:

Уж как две сестры меня убили,

Под белой березкой схоронили,

Что листочком-то, берестечком покрыли,

Желтеньким песочком завалили,

Все за ягодку, за земляничку».

Подивились прохожие и пошли дальше, а дудку с собой взяли. Вот пришли они к Катиному отцу и дали ему дудку. «Поиграй, — говорят, — дедушка».

Стал старик играть, а дудка человеческим голосом выговаривает:

«Уж ты, тятя, поиграй-ка,

Ты меня-то пожалей-ка.

Уж как две сестры меня убили,

Под белой березкой схоронили,

Что листочком-то, берестечком покрыли,

Желтеньким песочком завалили,

Все за ягодку, за земляничку».

Старик как услышал, так и упал. Взяла старуха дудку, стала играть, а дудка и у нее выговаривает:

«Уж ты, маменька, поиграй-ка,

Ты меня-то пожалей-ка.

Уж как две сестры меня убили,

Под белой березкой схоронили,

Что листочком-то, берестечком покрыли,

Желтеньким песочком завалили,

Все за ягодку, за земляничку».

Взял у старухи дудку братец Вася, играет, а она выговаривает:

«Уж ты, братец, поиграй-ка,

Ты меня-то пожалей-ка.

Уж как две сестры меня убили,

Под белой березкой схоронили,

Что листочком-то, берестечком покрыли,

Желтеньким песочком завалили,

Все за ягодку, за земляничку».

Тут и говорит старик: «теперь ты, Дуня, поиграй». А Дуня лежит на печи, ни жива, ни мертва, и играть не хочет. Старик как закричит: «Слезай, Дунька, а то за волосы стащу!» Вот она слезла с печи, взяла дудку, играет, а та выговаривает:

«Уж ты, Дуня, поиграй-ка,

Ты меня-то пожалей-ка.

Уж как вы меня с Машей убили,

Под белой березкой схоронили,

Что листочком-то, берестечком покрыли,

Желтеньким песочком завалили,

Все за ягодку, за земляничку».

Тут стал отец заставлять Машу играть. Взяла она дудку, играет, а та выговаривает:

«Уж ты, Маша, поиграй-ка,

Ты меня-то пожалей-ка.

Уж как вы меня с Дуней убили,

Под белой березкой схоронили,

Что листочком-то, берестечком покрыли,

Желтеньким песочком завалили,

Все за ягодку, за земляничку».

Выслушал это старик, ни слова не вымолвил, принес березу и давай дочерей хлестать. Хлестал, хлестал, не захлестал до смерти; привязал к воротам, застрелил, да там и оставил. Ехали мимо с возами, зацепились за них и уронили. Стали по деревне ходить да спрашивать: «не ваши ли? не ваши ли?» Все говорят: «нет, не наши». Пришли к старику, и он сказал: «не наши».